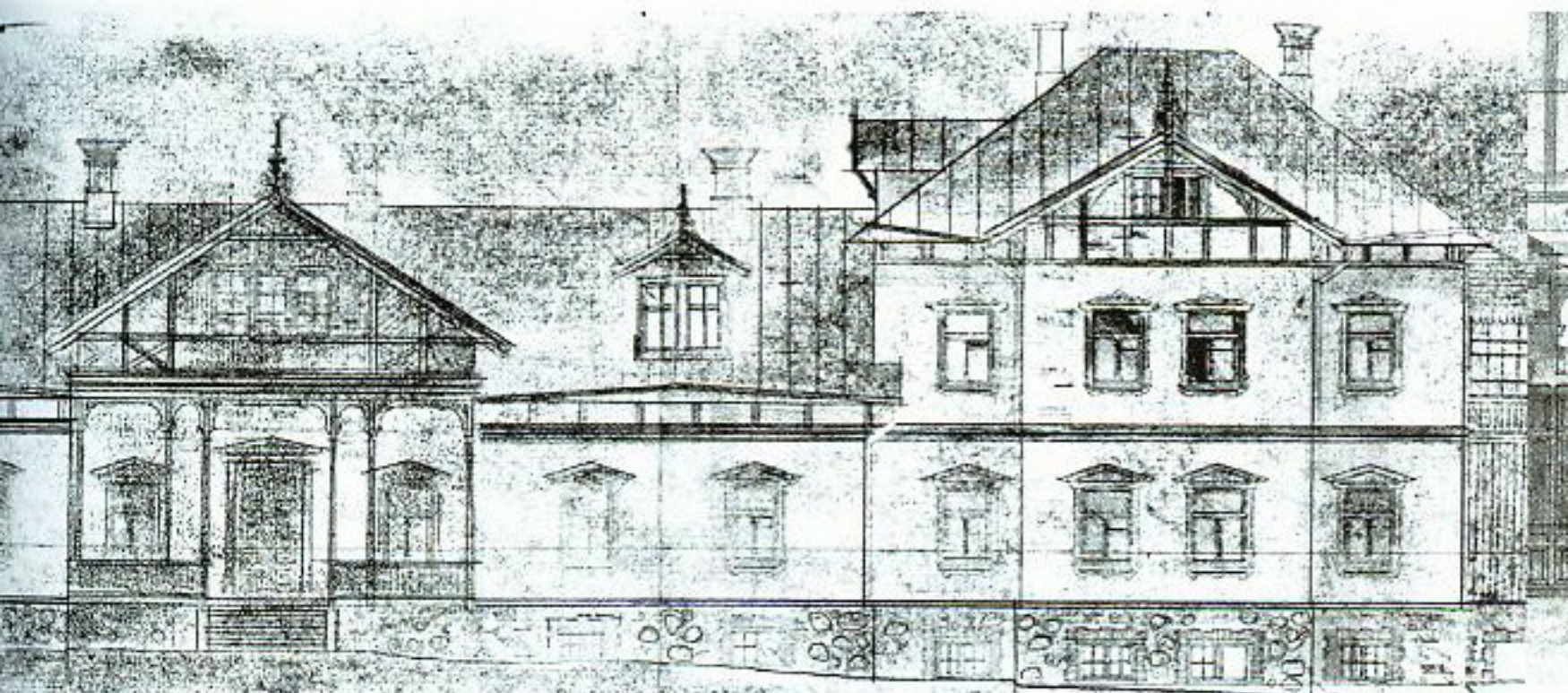

ЗОНДАЖИ И МИРАЖИ

ЛОШИЦЫ

(из дневника реставратора)

21.06.06. Позвонила Галя Левина — архитектор, научный руководитель Лошицкой усадьбы. Сообщила, что город выделил деньги на реставрацию Лошицы, и попросила составить смету, если мы собираемся участвовать в этом проекте. На проектирование и реализацию — два года. В 2008-м объект должен быть сдан, и, зная нынешние темпы и методы реставрации по Верхнему городу, не сомневаюсь, что так и будет. У памятника есть две беды: когда денег нет и когда они появляются. Теперь Лошица дождалась худшего. Безденежную эпоху она пережила, а вынесет ли она испытание деньгами?

31.07.06. Встреча на «Бастилии» с Г.Левинной и новым ГАП-ом Лошицы, которого назначил город. Галя пришла в 14.00, как и договаривались, ГАП-ка опоздала на час. Галя принесла чай в пакетиках (Visolsky tea-Cherry (вишнёвый, только привезённый из Израиля), сама не пила, а только грызла наши сушки...

Как коза.

Коза в отношении Гали слово не обидное. Она пришла в реставрацию, окончив архитектуру, как раз под коляды. И каждый год была козой в наших батлеечных спектаклях. Вошла в образ!

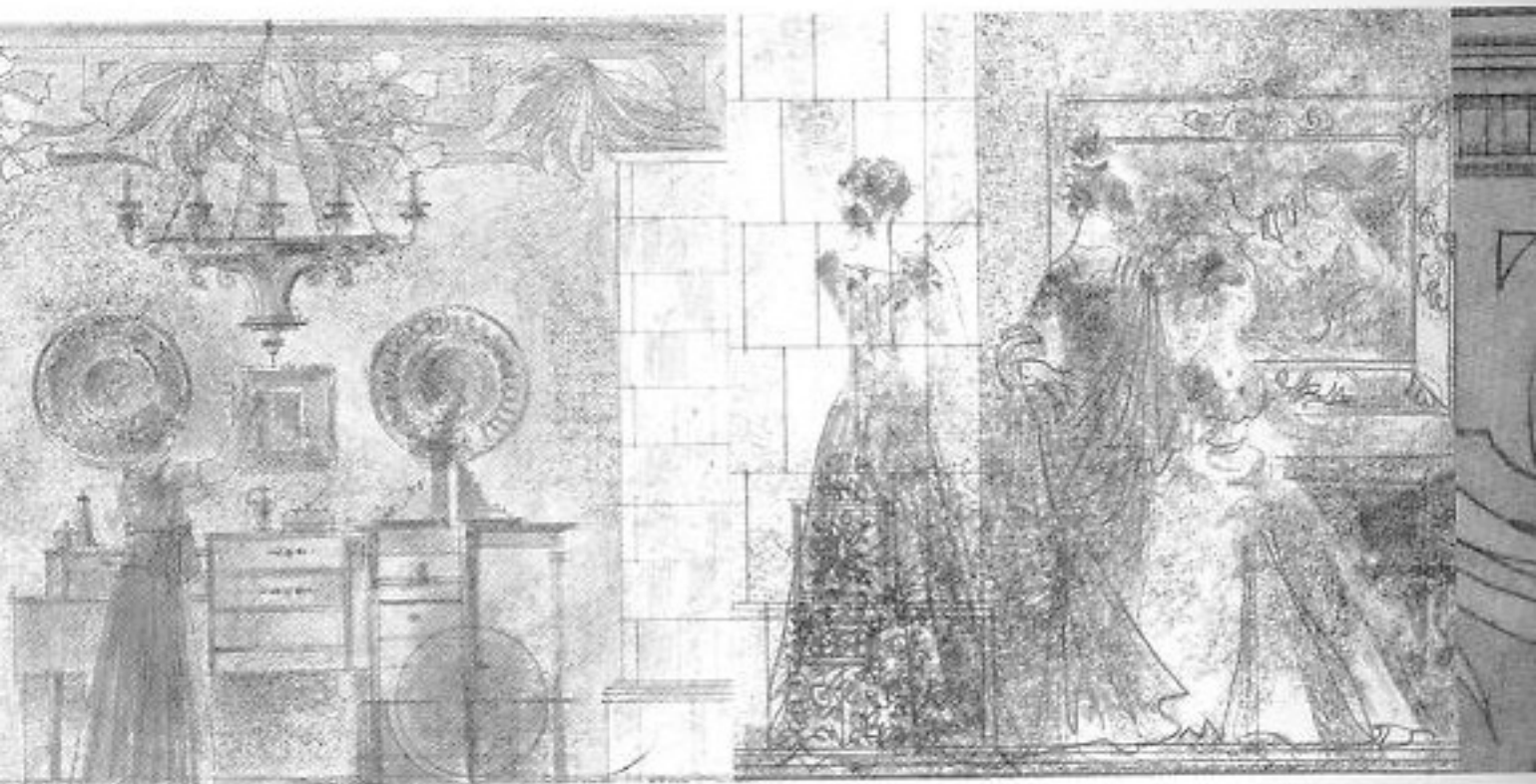
ГАП-ка — женщина средних лет — появилась в сопровождении двух молоденьких архитекторов, которые только закончили БНТУ. Когда начали смотреть документацию, я почувствовал себя реставрационным монстром, услышав, как один из них шепнул другому: — Хорошо, что в застойные времена все так досконально делалось.

Новая ГАП-ка — человек рациональный и без сантиментов. Она собирается снести деревянную часть, поеденную шашелем, и построить все заново. Практичное решение, но тяжело слышать такое, когда в этих стенах перемерян каждый дециметр пространства.

12.12.06. Получили письмо-заказ из «Минскпроекта» на проведение исследований и разработку проекта реставрации живописи, лепного декора и печей (подписано: зам. главного инженера П.В.Знак!!! С такой фамилией только такие письма и подписывать. Застой кончился и для Лошицы. Знаковое письмо.)

Достаю лошицкие архивные папки, реставрационные дневники, конспекты. Пока считаются и подписываются сметы, надо бы разобрать и систематизировать весь лошицкий материал. (За 10 лет так и не нашлось повода, чтобы всё разобрать).

Нигде не могу найти свои конспекты книги «Nad Pszypiecia dawno temu...» (Это мемуары брата Ядвиги Кеневич, последней хозяйки Лошицы, найден-

ные историком Художественного музея Н.М.Новиковой в 1997 году. В этих воспоминаниях брат Антоний Кеневич подробно рассказывает про гибель своей сестры и жены Евстахия Любанского)

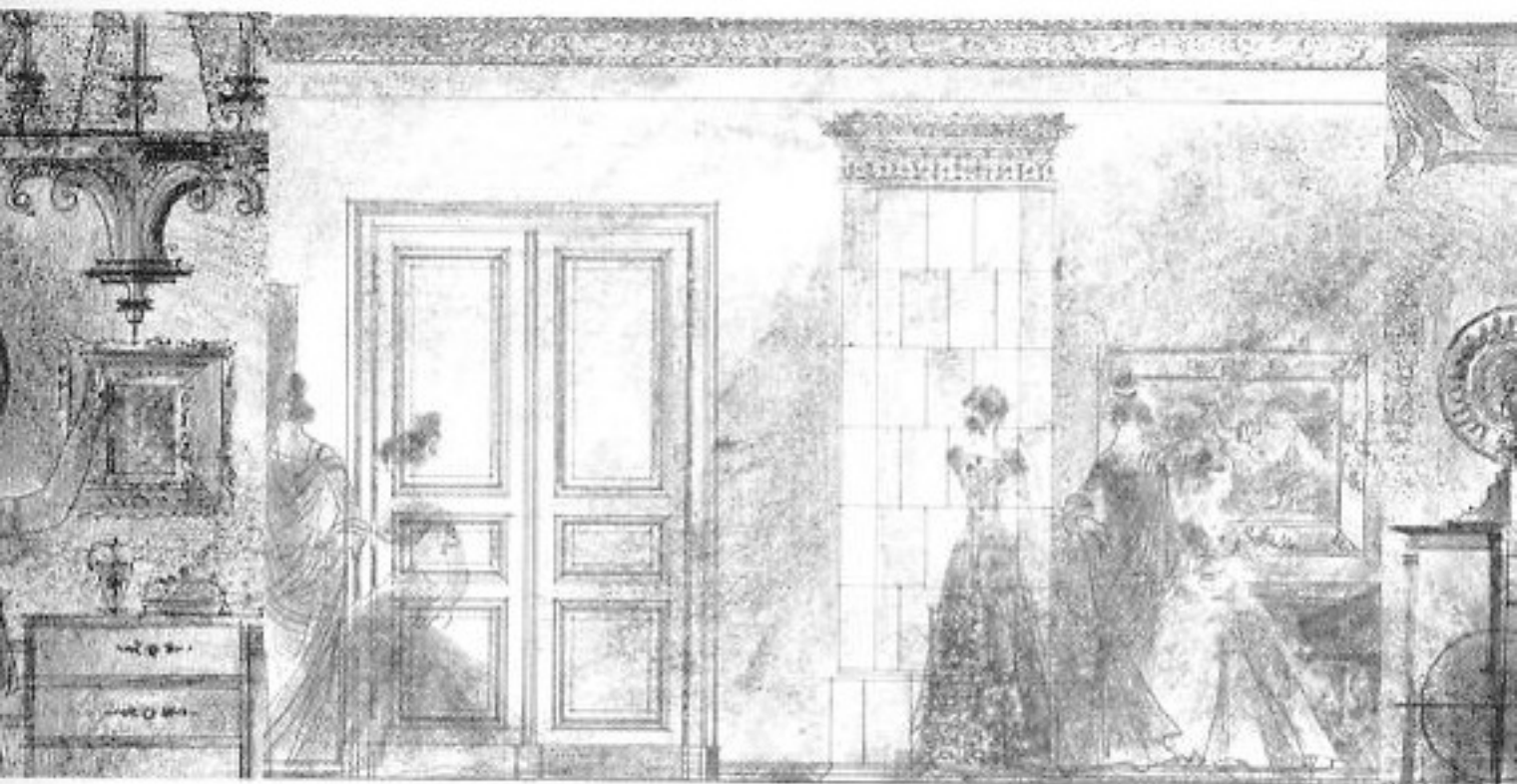
Эту книгу с фотографией токующего глухаря на зелёной мягкой обложке конспектировал в зале искусств тогда ещё Ленинской библиотеки... Возможно ли её отыскать в новой Национальной библиотеке?

22.12.06. Звонит Манна Мольбертовна: — Н.М.Мацинкевич приглашает на экскурсию в новую библиотеку. Сам бы я никогда не решился пойти в это чудо архитектурной фантазии, а тут тебя проведут за ручку. Лучшего повода проверить, уцелели ли при переездах мемуары А. Кеневича, не будет. Беру Лёву, и мы едем.

Охрана, которая приводит в трепет, стеклянные полы, компьютеры (дар КНР Беларуси), камеры слежения, толпы экскурсий — не библиотека, а национальное достояние. Оказывается, читальные залы — это пристройки (всего три этажа), в самом «Алмазе» — книгохранилище. Делаешь заказ, и через 20 минут на специальных вагонетках заказанную литературу доставят в зал, к которому ты приписан. Мы разговариваем по-белорусски, на нас оборачиваются, но молоденькая библиотекаряша, хоть и с трудом, а старается говорить по-белорусски (Куда денешься? Нас же водит за ручку её начальница!) Заказал А.Кеневича — пусто! — нет моей книжки! Девушка, перейдя на великодержавный, говорит, что нужно поискать по карточкам вручную, найти код, шифр, а уже тогда... Боюсь, найти там что-либо будет очень трудно. Электронный каталог там безумный. Они сканировали карточки, написанные вручную, с малым разрешением, (разобрать эту писанину невозможно). Текст не живой, найти можно только книгу, зная название, автора или код.

Зато записаться легко, не то, что раньше (без всякого диплома и прочих справок, только по паспорту). Мы с Манной Мольбертовной, заплатив по 5 тысяч, как пионеры, тут же записываемся, Лёва в знак протеста (на него стекло и гранит подействовали отрицательно) не стал записываться.

18.02.07. Метель. Мороз. Ветер. 10:37. Национальная библиотека. Думаю, что отогреюсь тут. Как бы не так! Пока рылся в каталоге, замерз окончательно. Каталоги расположены в центре здания, никак не отгорожены, сквозняк жуткий, ветер гуляет, как на улице, библиотекари одеты, словно продавщицы у ларьков. Пока везут моего Кеневича, ищу буфет, чтобы выпить стакан чаю. Нашел. Толпа студентов (за книгами очередей нет). Кто здесь не первый раз – со своим бутербродом.

Проектировщики превзошли самих себя. В старой библиотеке буфетик был мизерным, но как можно было умудриться здесь сделать его ещё меньше? Зато стулья кожаные, наверно, из «Домуса».

... «Nad Pszypiecia dawno temu...» — тот же экземпляр книги, который я конспектировал 10 лет назад. Мои пометки 0.3-м карандашом. За это время больше никто её не читал. В каждом зале ксерокс (к ксероксу тоже очередь). Можно без проблем занять свой экземпляр, но что-то меня останавливает. Многие фото вижу как в первый раз. Достāju пенальчик и рисую. Рука ходит совсем по-другому... И тексты читаются по-новому. Хочется переписать всё – слово в слово. Всё по-польски. И хоть приходится заглядывать в словарь (польский, устаревший, XIX века), видно, что это наша «польшчызна», минского пошиба. Конспектирую своим бисерным почерком:

... 15 июня свалилась на нас всех, как гром среди ясного неба, телеграмма о внезапной смерти Иси, моей сестры. В депеше не было подробностей. Телеграмму мы получили в обед. Поезд в сторону Минска отправлялся в семь вечера. Выехали все. Дома остался только отец с Мадушкой... Телеграфируем в Волицу о несчастье, которое на нас свалилось.

Приехали в Лошицу в жаркий солнечный день. В сильно затемненном зале на катафалке, окруженном зажженными канделябрами и свечами, в белом гробу, в море цветов лежала в светлом платье, с головой, покрытой белой вуалью, дорогая, любимая и такая бедная Ися. О, как страшно она изменилась! Такая красивая, подвижная, с чудными выразительными глазами, сегодня лежит в гробу с опухшей головой, с раной на лбу — безобразная — страшная.